

Глава VI. Общая критика КОНСТИТУЦИЙ

Как, вследствие крайностей унитаризма, нарушено политическое равновесие и поставлены в борьбу друг с другом государство и общество. — Рассмотрение средств, предлагаемых для восстановления этого равновесия: пересмотр или усовершенствование конституций, коллективное самодержавие, разделение властей, муниципальное устройство. — Бесполезность всех этих паллиативных мер.

Припомним сначала, что все конституции, различаясь по тону и цвету, в сущности, тождественны: положение это доказано уже рядом приведенных нами примеров, впоследствии же оно уяснится для нас еще более. Приверженцы всякой системы хлопочут особенно об единстве. Действительно, нельзя не согласиться, к несчастью, что единство служит для них принципом.

«Власть едина, нераздельна, всеобща и неограниченна», говорит автократ. Против этого не стоило бы спорить, если бы здесь не шла речь о прерогативе монарха, представляющего политическую группу. Как нечего бояться родительской власти, которая, по природе своей, в семействе является покровительствующей, благотворительной и преданной, точно также и королевскую власть в государстве можно вполне считать доброю и полезною, равно как и рациональною, так как она имеет в основе своей единство. Но династ добивается совсем иного: для него политическая группа, которою он начальствует, не имеет границ; он намерен царствовать над миллионами душ и над тысячами квадратных миль так, как царствовал бы над кланом или каким-либо городом, в котором был бы наследственным владыкой: претензия эта столь же губительна, как оскорбительна и нелепа. В ней-то и заключается принцип монархической тирании, самой старой из всех.

«Республика едина и нераздельна», говорят в свою очередь демократы. В этом они не ошибаются, какой бы смысл мы ни придавали республике, считая ли ее ассоциацией граждан, даже городов, или правительством. Всякая разделившаяся республика погибнет: это верно и этим в некоторой степени оправдывается поклонение республиканцев пред единством и их страх перед разделением. Но они сами впадают в заблуждение и тиранию деспота, когда отказываются от понимания той истины, что как граждане все равны пред законом и в избирательных собраниях, так равны и отдельные местности пред верховной властью и правительством, в качестве юридических лиц или коллективных индивидуальностей, и при таком непонимании стремятся к подчинению всех групп одному авторитету, одной администрации. В этом непонимании коренится принцип республиканской или демократической тирании, наиболее тяжелой, а потому и кратковременной.

«Верховная власть едина и нераздельна», поучает золотая середина (*juste-milieu*); но она отправляется коллективно королем (или императором), палатой перов (или сенатом) и палатой депутатов. Но что толку в этой коллективности правительства, если в таком большом государстве, как напр. Франция или даже Бельгия, местности остаются в нераздельности; если все части общественного тела, насколько возможно, подчинены одному и тому же авторитету, законодательству, правосудию, администрации, надзору, системе просвещения, и т. п.? Что доказывает это мнимое соглашение монархического принципа, буржуазного интереса и демократического или республиканского элемента, к чему оно годно?

Из вышеизложенного видно, что вся разница между конституциями заключается в том, что в одной конституции центр правительства один человек, в другой — собрание, в третьей — 2 палаты с королем.

Демократический идеал должен состоять в том, чтобы управляемая масса была в то же время и управляющей, чтобы общество было тождественно и одно и то же с государством, чтобы народ был правительством, подобно тому, как в политической экономии производители и потребители одни и те же лица. Я, разумеется, не отвергаю достоинств каждой из различных правительственных систем, смотря по обстоятельствам и с чисто правительственной точки зрения: если бы пространство государства не превосходило величины какого-либо города или общины, то последним можно бы было предоставить на волю выбрать любую систему. Но не следует забывать, что речь идет об огромных территориях, которые насчитывают в себе тысячи городов, местечек и селений и которыми ваши государственные люди думают управлять по законам патриархальным или основанным на завоевании, и собственности, что представляется невозможным в силу самого закона о единстве.

Я особенно напирал на это замечание, самое капитальное в политике.

Всякий раз, когда люди с женами и детьми собираются вместе, заводят жилища и земледелие, начинают заниматься различными промыслами, завязывают, как соседи, связи друг с другом и делаются таким образом солидарными, они образуют то, что я называю естественную группу, которая вскоре преобразовывается в государство или политический организм, представляющий, в своем единстве, независимость, жизнь или свое собственные движение (*autokinesis*) и самоуправление.

Подобные группы, будучи смежные, могут иметь общие интересы; поэтому они входят в соглашение между собою, соединяются и, посредством такого взаимного страхования, образуют высшую группу; но, соединяясь в видах гарантии своих интересов и развития своего богатства, они никогда не доходят до самоотречения пред этою высшею группою, никогда не приносят самих себя в жертву этому новому Молоху. Подобная жертва невозможна. Все эти группы, как бы они о себе ни думали и как бы ни поступали, все-таки государства, т. е. неразрушимые организмы; между ними могут завязаться какие-либо новые отношения, договоры взаимности, но они не могут лишиться своей неограниченной независимости, как член государства не может, в качестве гражданина, утратить своих прав свободного человека, производителя и собственника. Лишить их

независимости значило бы создать несогласуемый антагонизм между верховными властями — общею и отдельными, восстановить власть на власть, одним словом, вместо развития единства, организовать разделение.

Изменяйте хоть каждые полгода свою общую конституцию, разнообразьте до бесконечности свою политическую систему, но если не изменится принцип унитарного обобщения, если местности или естественные группы по прежнему будут осуждены на поглощение высшей агломерацией, которую можно назвать искусственной, потому что в ней нет ничего необходимого и она по своей видимой цели ничто иное как произведение заблуждения и стремится к невозможному; если наконец централизация останется первым законом государства, правительственной панацеей, то общество, вместо того, чтобы идти вперед, обратится на самого себя, сделается революционным, и, если положение ухудшится, быстро направится к упадку и гибели.

Наши законодатели и составители конституций, начиная с 1789 г., чуяли эту опасность. Они признавали непрочность своих систем, хотя не понимали её причины: поэтому они выставили принцип *усовершенствования* своих конституций. Старый порядок (*ancien régime*) или божественное право и не подозревал возможности такой усовершенваемости (*perfectibilité*); по его мнению, неизменность учреждений доказывала их совершенство или, что тоже, божественность их происхождения. В этом старый порядок был отчасти прав, точно также, как теоретики 1789 г. со своей конституционной усовершенванностью отчасти заблуждались. Мы уже сказали, что народы увлечены в правительственный цикл, который можно рассматривать как приготовительный фазис: с этой точки зрения можно сказать, что в исторической последовательности наших конституций есть нечто в роде прогресса. Но когда общество отыщет точку опоры и начнет жить нормальной жизнью, политическая конституция не станет изменяться и тогда уже нельзя будет говорить о прогрессе. Неизменность движения исключает подобное понятие.

Притом же всякий может убедиться, каким скудным ресурсом была для Франции с 1789 г. эта мнимая конституционная усовершенванность. Наши правительства держались лишь доверием, которое им оказывала страна, и отчасти своею новизною, всегда вызывавшею надежды, показав же себя на деле и утратив доверие, династии падали окончательно. В доказательство приведем Консульство и первые года Реставрации и царствования Луи-Филиппа. Кто теперь серьезно думает об усовершенствовании конституции 1852 г.? Она останется тем, чем есть, или будет заменена другою, причем, надеюсь, авторы новой конституции не станут объявлять о вечности своего творения под предлогом усовершенваемости и прогресса. После конституций 1791, 1795, 1848 и 1852 годов, которые все предвидели и заранее регламентировали свой пересмотр, было бы глупо повторять, что *конституция усовершенвана*.

Порок политической системы, порок, который можно назвать органическим, заключается в том, что провинции и города, из которых состоит государство и которые, как естественные группы, должны пользоваться цельною и полною автономией, управляются не сами собою, как бы следовало вошедшим в ассоциацию городам и провинциям, а центральною властью и как завоеванное население. С удержанием такого порядка что толку в перемене формы правительства? Можно ли думать, что усовершенствование конституции восполнит собою

уничтоженные общественные вольности? Такое предположение нелепо.

В видах уменьшения последствий такой смертоносной сосредоточенности, кроме законного усовершенствования конституции, было придумано еще коллективное правительство. Я уже цитировал эту статью хартии: «Верховная власть, единая и нераздельная, отправляется коллективно королем, палатою перов и палатою депутатов.» Король — представитель единства, центральной силы и общности интересов, перы — именитые лица, по большей части уроженцы департаментов. Депутаты — выборные департаментов пропорционально населению последних. Таким образом каждый город, каждая провинция имеют в палатах своих естественных представителей. Исполнительная власть вверена министрам, по большей части, если не исключительно, уроженцам департаментов, и которые должны быть поддерживаемы большинством палат. Наконец все французы пользуются правом обсуждать действия правительства и все они одинаково могут занимать общественные должности. Неправда ли, сколько гарантий? и каким доверием должна была проникнуться нация, когда король Людовик XVIII предложил ей эту хартию! Она забыла и нашествие, и присутствие неприятеля в городах, и все несчастья последних войн.

Печальное заблуждение! Обрати внимание, читатель, во первых на то, что хотя верховная власть отправляется коллективно, тем не менее она, по существу своему, едина и нераздельна, ею действие по необходимости унитарно, она простирается на всю страну и поглощает ее, она не может ничего оставить вне себя, не противореча своему принципу, не идя против своей цели, не подвергаясь гибели; во вторых, с созданием коллективной верховной власти созидаются соперничества, оппозиции, антагонизм. Какой труд выбрать из большинства 7 или 5 человек способных отправлять министерские обязанности, согласных между собою, приятных короне, и которые притом одинаково хорошо были бы приняты обеими палатами. Сколько взаимных пожертвований необходимо при этом сделать, и все это в пользу единства, в ущерб отдельным местностям! Сколько затруднений представляется с парламентом! сколько интриг! какое тяжелое положение короля!.. В июльской монархии был случай, когда Луи-Филипп одно время не мог составить министерства; он сделался подозрителен всем партиям в палате, непопулярен в столице и в департаментах. Эта коллективность власти просто пустое слово, которым прикрывается роковое разложение, грозящее всем правительствам, как бы они себя не называли и в какую бы форму ни облекались. Для поддержания своей прерогативы и для противодействия увеличивающемуся разложению, каждый участник в верховной власти будет стараться завладеть всей властью: король исподволь будет заботиться об обеспечении за собою послушного большинства в палатах; министерство захочет стать выше короля; оппозиция пустится в доносы на камарилью; одним словом, в этой святой коллективности страна ничего не увидит кроме раздора. Я, не скрываясь, скажу, что при существовании централизующего правительства нахожу вполне естественным делом со стороны автора 2 декабря подчинение себе сената и палат; от этого, как известно, система не улучшилась, но за то стала логичнее, притом же необходимо было наложить на нас молчание после прений от 1830 до 1851 г. Что же касается системы Сийеса, то средства, предлагаемые им для избежания указанных затруднений, не больше как метафизический фокус-покус, имеющий целью установление той же парламентарной монархии.

Так как коллективное отправление власти не дало хорошего результата и оказалось призрачным, то вздумали разделить власть, оставляя неприкосновенным принцип единства. Ухватившись за экономический принцип труда или разъединения промышленности, законодатель сказал: власти будут в государстве разделены; тому же закону подлежат должности и места. В этом условие свободного правительства. Таким образом одно — законодательная власть и другое — исполнительная; одно — администрация и другое — юстиция; одно церковь и другое университет[11], и т. д. до мирового судьи, который совсем не то, что коммерческий судья, и до полевого сторожа, который не одно и тоже лицо со сторожем над лесами и водами.

Сохрани меня Бог от насмешек над принципом, который я сам хвалил и которого сила и плодотворность признаны всеми. Но кому здесь не видно, что законодатель, паря в конституционных высотах, потерял из виду землю, и из тумана, в котором вращалась его мысль, впал в самое жалкое заблуждение?

Разделение промышленности имеет место при двух различных условиях; во-первых, когда промышленности независимы одна от другой и каждый предприниматель остается абсолютным распорядителем своих операций; так комиссионер и извозчик, хотя занимаются одинаковыми операциями, остаются не солидарными между собою и вполне свободными друг от друга; так же как медик и аптекарь; мясник и торговец жареным мясом; булочник и хлебный торговец, и т. д.

То ли бывает в правительстве? Разумеется нет; такое разделение властей разрушило бы единство, не только то завоевательное единство, которое стремится к подчинению одной особой власти независимых по природе групп, живущих своею собственною жизнью и проявляющих свою волю; но и то разумное единство, которое, исключая всякую идею о разделе, действует в надлежащих границах. Другими словами, при таком разделении властей станет невозможна не только императорская централизация, но какое бы то ни было правительство, какое бы то ни было государство.

Во-вторых, промышленное разделение, проявляясь в обособлении приемов в одном и том же производстве или предприятии, совершается среди одной и той же фабрики, мастерской или мануфактуры; в пример такого разделения можно привести из А. Смита фабрику булавки и из Ж. Б. Сея фабрику карт. В этом случае отдельные занятия уже не независимы, а поставлены под высшее управление хозяина, во имя и на счет которого исполняются различные работы. Вот таким-то образом и были организованы власти в наших правительствах. Разумеется, порядок от этого в выигрыше: течение дел вполне обеспечено; во всех отношениях система действует успешнее. Но какая же от неё польза для свободы городов и провинций, а следовательно, для свободы самих граждан, для устойчивости самого правительства? Разве при ней уменьшится концентрация, поглощение, антагонизм, изгладятся разделения и раздоры, наконец разве будет покончено с революциями? Принцип разделения властей в своем истинно полезном отношении во Франции древнее революции 1789 г., которая лишь улучшила его приложение: с тех же пор, считая и революцию 1789 г., у нас было 10 или 12 перемен правительства. Таким образом в вопросе, который нас теперь занимает, принцип разделения властей не имеет никакого значения.

Против подавляющей централизации искали помощи в *муниципальной и департаментской организации*, много толковали об этом предмете во время реставрации и царствования Луи-Филиппа; сам Наполеон I интересовался этим вопросом, который поднят вновь при его преемнике. Приверженцы золотой середины (*juste-milieu*), наиболее многочисленные в нашей стране, особенно сильно занялись обсуждением этой организации. Им кажется, что власть делается устойчива, если общине (*commune*) предоставлена будет известная инициатива; что этим путем можно смягчить централизацию и в особенности избегнуть федерализма, который в настоящее время для них столь же ненавистен, как был ненавистен, но по другим причинам, патриотам 1793 г. Последователи золотой середины искренно умиляются пред швейцарской и американской свободой, о ней они кричат нам в своих книгах; ею они пользуются, чтоб пристыдить нас за обожание власти; между тем сами ни за что в мире не согласятся затронуть то прекрасное единство, которое, по их словам, составляет нашу славу и которому завидуют будто бы все нации. С профессорскою самоуверенностью они обзывают крайними и неумеренными тех писателей, которые, заботясь о логике и оставаясь верными истинным понятиям права и свободы, требуют выхода раз навсегда из доктринерского логического круга. Г. Эдуард Лабулэ служит образчиком этих мягких умов, способных понять истину и указать ее и другим, но для которых вся мудрость заключается в урезывании принципов невозможными сделками; которые не прочь *ограничить* государство, но под условием ограничить при этом и свободу; которые хотят урезать когти первому, но с тем, чтобы и второй были подрезаны крылья; у которых, одним словом, мысль, теряясь перед сильным и широким синтезом, впадает в бессмыслицу. Г. Э. Лабулэ — представитель той группы людей, которая требует от императорской автократии признания так называемых июльских гарантий, и в то же время задается миссией разбивать социалистические и федералистические стремления. Ему принадлежит эта прекрасная мысль, которую я хотел было поставить эпиграфом к настоящему сочинению: «Когда политическая жизнь сосредоточена в одной трибуне, страна делится на две части, оппозицию и правительство.» Поэтому, пусть Лабулэ и его друзья, такие, по-видимому, поборники муниципальных вольностей, ответят мне только на один вопрос.

Община, в сущности, подобно человеку, семейству, всякой разумной и моральной индивидуальности или коллективности, есть существо самодержавное. В качестве такового, община имеет право управляться сама собою, облагать себя налогами, распоряжаться своей собственностью и доходами, открывать для своей молодежи школы, назначать в них профессоров, заводить свою собственную полицию, жандармерию и гражданскую гвардию; поставлять своих судей, иметь свои газеты, собрания, частные общества, склады, банк и т. п. Община постановляет решения, отдает приказания: отчего бы ей не издавать для себя и законы? У ней своя церковь, свой культ, свое выборное духовенство; она гласно, в муниципальном совете, в газетах или в кружках, обсуждает все происходящее в ней и вокруг неё, касающееся её интересов или возбуждающее её мнение. Вот что такое община; вот что такое коллективная, политическая жизнь. Жизнь эта едина, целостна, полна действия, и это действие всеобщее; жизнь эта отталкивает препоны, она не знает других границ, кроме заключающихся в ней самой; всякое внешнее принуждение для неё противно и смертельно. Пусть же скажут нам Г. Лабулэ и его политические единомышленники, как думают они согласить эту общинную жизнь с их унитарными исключениями; как они избегнут столкновений; как они полагают удержать рядом с местными вольностями

центральную прерогативу, ограничить одни и остановить от захватов другую, в одной и той же системе установить независимость частей и авторитет целого. Пусть они объяснятся, чтобы о них можно было знать и судить.

Середины нет: община будет самодержавна или подчиненна, все или ничего. Сколько бы вы ни давали ей преимуществ, но если она не будет зависеть только от самой себя, если над нею будет царить высший закон, если большая группа, под названием республики, монархии или империи, в которую она будет входить как часть, будет объявлена выше её, а не выражением её федеральных отношений, то неизбежно случится, что когда-нибудь она окажется в противоречии с этой большей группой, и тогда возникнет столкновение. В столкновении же логика и сила решат, что должна взять верх центральная власть, и решат без рассуждений, без суда, без сделки, так как спор между высшим и низшим не может иметь места, как несообразность и нелепость. И таким-то образом после целого периода доктринерской и демократической агитации мы снова придем к отрицанию *деревни* (*esprit du clocher*), к поглощению всего централизацией, к автократии. Идея *ограничения* государства, с удержанием принципа централизации групп, оказывается поэтому непоследовательностью, если не нелепостью. Нет других границ государству кроме тех, которые оно само себе поставит, оставляя на долю муниципальной и частной инициативы то, о чем оно пока не заботится. Но как деятельность государства безгранична, то может случиться, что оно предпримет распространить свое вмешательство и на то, чем оно пренебрегло вначале; и так как оно сильнее, говорит и действует всегда во имя общего интереса, то не только добьется того, чего требует, но будет еще и право в глазах общественного мнения и судов.

Пусть эти либералы, которые так сильны, что говорят о границах государства, сохраняя его верховность, скажут уж нам заодно, где будет граница свободы индивидуальной, корпоративной, местной, общественной (*sociétaire*), граница всяческой свободы? Пусть они, считающие себя философами, объяснят нам, что такое свобода ограниченная, стесненная, подчиненная, находящаяся под надзором; свобода, которой говорят, надевая ей на шею цепь и привязывая к столбу: «иди до этого места, но не дальше». Как последнее средство уравновесить и сдержать центральную власть и защитить от её захватов общественные вольности, придумана была всеобщая и прямая подача голосов. О ней мы выскажемся после, а теперь закончим общую критику конституций.

Версия #2

Зверобой создал 15 марта 2025 04:57:08

Зверобой обновил 27 июня 2025 01:23:45